

Брэдли Ф.Г.
ЭТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эссе IV — Долг ради долга

*

Bradly F.H. Ethical studies.
London, 1962.
перевод с английского Бабушкиной Д.А.

Отвечая на вопрос «Почему я должен быть морален?», мы обнаружили, что всякая этика (Ethics), явно или косвенно, предполагает нечто, что есть благо, а также, что это благо (какова бы ни была его природа) всегда имеет характер цели. Моральное благо есть цель в себе, его следует добиваться ради него самого. Его не следует использовать как средство ради чего-то, что оно не есть. Выше мы видели, более того, что удовольствие не является ни благом, ни целью; что, добиваясь удовольствия как такового, мы не добиваемся блага. Мы отвергли гедонизм, и, если будет угодно, можем вообще убрать его с глаз долой, ведь мы приступаем теперь к разработке нового представления о благе, иного ответа на вопрос «Что есть цель?». Гедонизм мы критиковали за односторонность подхода; здесь же мы будем иметь дело с другой односторонней крайностью. Прежде самость, которую следовало реализовать, представляла собой самость или самости как наибольшее количество или число отдельных (particular) чувствований (feeling): в теории, которая ждет нас впереди, самость, подлежащая реализации имеет изъян, диаметрально противоположный первому, и все-таки тот же самый изъян. Ее недостаток противоположен первому, поскольку она заменяет только лишь частное только лишь универсальным; нам не приходится иметь дело с тем или иным чувствованием, но с формой, которая мыслится не как то или иное. Ее недостаток – это тот же недостаток: упущение из вида вещи как целого, и установление реальным одного элемента, который, однако, будучи взят отдельно от другого, нереален. Одним словом, в обоих подходах мы находим односторонность взгляда, и их общей порок можно назвать абстрактностью [1]. Но довольно антиципаций, обратимся теперь к нашей задаче [2].

Что есть моральная цель? Отчасти мы знаем, чем она не является. Она не есть состояние или собрание состояний самости, наподобие чувства удовольствия, производимых во мне или вне меня. Для того, чтобы узнать, что она *есть*, нам следует обратиться к моральному сознанию. Здесь мы обнаружим, что цель есть для меня как действующего, она есть практическая цель. Она не есть нечто, что должно быть чувствуемо; она есть нечто, что должно быть произведено (done).

Но она не есть нечто такое, что должно быть сделано, а, когда это нечто сделано, исполнитель (doer) оказывается не вовлечен в него. Цель не выходит за пределы (fall outside) исполнителя. Я должен реализовать себя; а, как мы видели, я не могу поставить в качестве высшей цели ничего кроме себя самого, не могу сделать себя просто средством для чего-то иного. С другой стороны, цель не выходит за пределы деятельности. Если бы во мне было целью производство простого пассивного состояния, тогда деятельность была бы всего лишь средством для этого. Но моральное сознание уверяет нас в том, что активность есть цель в себе. Цель – делание (doing), которое должно быть сделано; активность есть благо в себе, а не для результата вне себя. Таким образом, цель не должна быть почувствована, но должна быть сделана: она должна быть выполнена, а не произведена; она не выходит ни за пределы самости исполнителя, ни, более того, за пределы его активности.

Коротко говоря, благо есть благая воля. Цель есть воля ради воли; а, применительно ко мне, она есть реализация благой воли во мне самом, или меня самого как благой воли. В этом смысле Я есть цель для себя, и я есть абсолютная или высшая цель. Нет ничего, что было бы благим, не будучи благой волей.

Это не метафизическая фантазия. Это правда жизни и морального сознания. Человека не называют благим, ни потому что он богат, ни потому, что он красив или умен. Он благ, когда он морален, а морален тогда, когда его действия согласованы с благой волей и воплощают ее, или когда его воля есть благо.

Но выражение «благая воля» мало о чем говорит. Оно говорит лишь о том, *что* воля есть цель. Оно не говорит о том что за воля есть цель; мы же хотим знать какова благая воля.

Что есть благая воля? Безразлично, назовем мы ее свободной волей, или универсальной волей, или автономной волей, или, наконец, формальной волей.

(1) Она есть универсальная воля. Само понятие моральной цели состоит в том, что она должна быть целью абсолютно, а не обусловлено. Она не есть цель для меня, не будучи целью и для тебя, или же для тебя и меня, не будучи таковой для третьего лица; но, она есть, не ограничиваясь ни кем конкретно, цель для всех нас. А значит, воля, как цель, не есть партикулярная (particular) воля отдельного (particular) человека, существующего как та или иная серия состояний духа (mind). Она одна и та же для тебя и меня, и, в качестве нашего общего стандарта и цели, она превосходит и тебя и меня. Таким образом, она объективна и универсальна.

(2) Она есть свободная воля. Она не обусловлена, ее существование и атрибуты ни от чего не зависят, она, какова она есть, не ничем не произведена, а, значит, она не может, строго говоря, быть вызвана (call forth) ничем, что не есть она сама. Она существует по причине самой себя и ради самой себя. У нее нет вне положенных себе цели или намеренья; она не конституирована и не детерминирована ничем иным.

Таким образом, мы видим, что она не детерминирована ничем партикулярным. Ибо, как мы убедились, она была универсальна; а универсальный значит не партикулярный; так что, достаточно только словесного

заклучения, чтобы показать, что если бы ее детерминировало что-то партикулярное, она была бы детерминирована чем-то, что она не есть. А это положение мы уже приняли за неверное.

(3) Она автономна. Ибо она универсальна и есть цель для самой себя. Блага та воля, которая волит универсальное как самое себя, и самое себя как универсальное, а, значит, можно сказать, что она есть закон для себя и волит своей собственный закон. А, поскольку она универсальна, следовательно, воля то, что значимо (valid) для нее, она волит то, что общезначимо. Она, законодательствуя для себя, законодательствует универсально, ибо, перестань она создавать закон себе, она и универсального закона не создаст.

(4) И, наконец, она формальна. Ибо, воля самое себя, она волит универсальное, а оно есть не-партикулярное. Всякий возможный объект вожеления, всякое желаемое событие, всякая цель в форме некоего результата, который должен быть достигнут в существовании партикулярного, в моем или кого-то другого, – все они представляют собой какое-то нечто: они обладают содержанием, они «материальны». Только та воля блага, которая волит себя как не-партикулярное, как лишенное содержания или вещества (matter), одним словом, та, которая волит себя, как форму.

Таким образом, благая воля – это воля, которая детерминирована только формой, которая реализует себя как пустую (bare) форму воли. Теперь же эта формальна воля рассматривается как выражение всех последующих характеристик: универсальности, свободы и автономии. Очевидно, что все остальные характеристики суть одно в формальности. Я автономен только потому, что я свободен, свободен только потому, что я универсален, универсален только потому, что не отделен, не отделен, только когда формален.

В том, что благо должно быть формально мы должны были убедиться, рассматривая его свойство как универсального стандарта или мерила. Такого рода стандарт есть или форма или ничто. Он должен превосходить всякое возможное это или то, а, следовательно, не может быть каким-либо этим или тем. Именно благодаря тому, что он *не* есть это или то, ему удастся не иметь ничего, что не было бы общим для всякого этого или того. Иными словами, если есть такое нечто, которое выпадает из его сферы; то это всего лишь одна вещь среди других, а, значит, более уже не стандарт. Однако, то, что может быть общим для всего, не есть вещество или содержание, а только форма. Поскольку нет материального мерила истины, постольку невозможно материальное мерило моральности (morality).

В таком случае, благая воля есть пустая форма воли, и она есть цель. Она есть то, что я должен реализовать и реализовать в себе. Но я не есть только форма; я обладаю «эмпирической природой»: серией отдельных состояний «этого я», скоплением вожелений, антипатий, страстей, удовольствий и боли, – вот то, что можно назвать чувственной самостью. Именно в этой самости следует искать все содержание, все вещество, все возможное наполнение формы; ибо всякое вещество должно происходить из «опыта», должно быть дано в восприятии и посредством восприятия внешнего мира или серий моих собственных внутренних состояний, и в обоих случаях оно чувственно и противоположно нечувственной форме.

«Эмпирическая» самость, вот это я, является составляющей морального субъекта не в меньшей степени, чем та самость, которая является формальной волей. Обе составляющие антитетичны друг другу; а, следовательно, реализация формы возможна только через антагонизм, противоречие, которое должно быть преодолено. Сущность моральности лежит именно в этом конфликте и в этой победе. Моральность – активность формальной самости, принуждающая чувственную самость, и здесь мы впервые имеем возможность прикоснуться смыслу слов «обязан», «должен» (ought, must) [3].

Если бы наша самость была ничто вне серии собственных состояний, если бы она была ничто вне и сверх этих сосуществующих и последовательных феноменов, тогда слово «обязан» могло и не иметь смысла. И, с другой стороны, если бы наша самость была чистой волей, «без примесей», волей, реализующей себя отдельно от чувственной составляющей, слово «обязан» опять было бы бессмысленным. Именно антагонизм этих двух элементов в одном субъекте составляет сущность обязательства. «Обязан» – это веление; оно не выражает нечто, что только есть или только не есть, но то, что и есть и не есть; нечто, что, коротко говоря, должно быть. Далее, будучи направлена на меня, веление представляет мне нечто, что следует сделать, и следует сделать мне. Веление – исполнение мною, такое исполнение, которое волился волей (не мной) и как таковое этой волей представлено мне [4]. В обязательстве самость подлечит велению, и эта самость – чувственная самость во мне, которая подлечит приказу (order) и которая, если я подчиняюсь, принуждается нечувственной формальной стороной, которая стоит над эмпирической составляющей, а, наравне с последней, является моей самостью. Обязательство – это веление формальной воли, а долг – повиновение, или, более точно, принуждение низкой самости со стороны формальной воли, или реализация формы в и наперекор непокорному веществу вожеления.

Долг должен быть ради долга, или же это не долг. Недостаточно, что мои поступки (act) должны реализовываться и воплощать универсальную форму, таким образом ей подчиняться. Недостаточно, приказать, чтобы поступок было совершено мной. Как мы уже видели, цель не есть некий результат, выходящий за пределы активности. Цель является скорее реализацией формы, которая есть благо, чем ее реализуемостью (realizedness); потому что она негативна только как активность, реальна только будучи негативной. Более того, благо не есть лишь реализация формы посредством чуждого ей субъекта, но ее собственная реализация самой себя посредством самой себя. Это имеет место быть, когда поступок, которое было приказано исполнить в области низкой самости, исполняется мной в роли формальной самости. Если это так, тогда я должен знать, что это так; если же я не знаю, что это так, тогда это не так. Долг не является долгом до тех пор, пока он, каждом случае и в каждом поступке, бессознательно не исполняется ради долга, а это значит, ради реализации пустой формы и ничего кроме этой пустой формы. Таким образом, понятно, что поступок, совершенный из удовольствия от пустой формы или из вожеления пустой формы, ни в коем случае не может быть исполнен чувства долга; ибо это уже будет низкая природа, совершающая выбор по

некой собственной склонности, для того, чтобы реализовать форму; она не может быть формой, реализующей самое себя; а, значит, такой поступок ни в какой мере не морален, ибо ни в какой мере не достигает цели. Низкая самость в моральности (morality) не склоняется, не убеждается, ее не увещевают советами; но принуждается силой.

Для того, чтобы подкрепить наш вывод, вновь обратимся к моральному сознанию. Всякий моральный человек знает, что делать правильно значит исполнять долг ради него самого, и, что, если долг исполнен ради некоего внешнего объекта, поступок может быть законным, но, конечно же, не может быть моральным.

Теперь, когда мы убедились в согласии наших рассуждений с практической моральностью и пришли к выводу о том, что только тот поступок морален, который совершается бессознательно ради универсальной формы, нам следует сформулировать правило, которое служило бы руководством нашим поступкам в жизни, и которое было бы достаточно просто, чтобы не породить трудности в применении. Мы должны реализовать благую волю, волю, которая есть цель в себе и значима универсально; и, как мы убедились, эти характеристики суммированы в формальности. Мы видели, что стандарт должен быть формален: он должен исключать всякое возможное содержание, поскольку содержание – различие; и, следовательно, то, что нам остается в качестве стандарта – просто тождественность, тождественность, которая исключает различие; а о ней мы можем сказать только, что она есть, и что она не противоречит себе. Тогда наша практическая максима такова: реализуй не-противоречие. Реализуй, т.е. поступай и продолжай поступать; не противоречь себе, т.е. пусть все твои поступки воплощают и реализовывают принцип не-противоречия; ибо только так возможно реализовать формальную волю, которая есть благая воля. Всякий поступок, если он не противоречит себе, законен. Всякий поступок, если он не противоречит себе и совершен ради реализации не-противоречивости, и только ради нее, морален. Это правило просто, оно возможно практически; и, безусловно, можно быть благодарным за такого рода организацию вещей, которая облекла стандарт и мерило всего того, что наиболее важно, в такую форму, понять которую может даже неграмотный и воспользоваться – ребенок.

Учение о долге ради долга, изложенное так, как мы его изложили выше, мало правдоподобно [5]. Критика этого учения может показаться читателю излишней, тем не менее, нам стоит кратко сформулировать те внутренние противоречия, в которых оно запутывается, и которые разрушают ее претензию на практическую значимость.

Учение противоречит себе; и, будучи, сведенным к простой формуле, это противоречие звучит следующим образом: самореализация есть цель, а самость, которую следует реализовать, есть негация (negative of) реальности; мы должны реализовать, и не произвести ничего реального. Позвольте объяснить. Благо есть воля. Воля есть осуществление внутреннего духа в мир факта; она есть тождество мысли и существования; процесс, в котором идеал проходит в реальность, и, где содержание обеих сторон одно и то же, всегда подчиненное различию двух различных составляющих. Мысль, только как мысль, не есть воля – такова только внутренняя сторона. Только лишь существование в пространстве и времени, или времени, не есть воля – такова только внешняя сторона. Для воли требуются обе стороны, и обе стороны в одном. Из вышесказанного нам в тоже время понятно, что, если эти две стороны должны быть согласованы, то должна быть и своего рода согласованность по природе того, что они содержат; так, обратившись вначале к стороне существования, можно сказать, что ничто невозможно реализовать пока то, что следует реализовать уже содержит в себе свойство различать реальность.

Реализовать значит перевести идеальное содержание в существование, будет ли это существование серией событий только во времени, как простые психические акты [6], или же существование в пространстве и времени, как в случае всех внешних актов.

Здесь невозможно ни дать подобающую дефиницию реальному, ни рассмотреть природу существования в пространстве и времени, а также его отношение к мысли в целом, и человеческой мысли в частности, даже если бы был сведущ в этих вопросах. Однако я не думаю, что впаду в сильное противоречие, если скажу, что ведущая характеристика существования в пространстве и времени, одним словом, – его партикулярность, то, что обычно называют его конкретностью, бесконечностью его отношений. Сущующая вещь и простая мысль о вещи – это не одно и то же, если принять, что «одно и то же» значит, что между ними нет разницы; особенно в морали, разница (distance) между теорией и фактом столь же неизмерима, как и разница между тем, что мыслится и тем, что волится, между дефиницией и определяемой вещью. Как я уже говорил выше, мы не будем углубляться в эти фундаментальные вопросы, но вот что видится очевидным: противоположность дефиниции или абстрактному принципу, главная характеристика существования в пространстве и времени – это нескончаемая детализация его партикулярных (particular) отношений. Посредством уточнения (particularize) дефиниции невозможно исчерпать какой-либо чувственный объект, ибо этот объект состоит в отношении ко всем другим вещам в мире.

Давайте тогда будем исходить из того, что, помимо всего прочего, «реализовать» значит, по крайней мере, партикуляризовать, и посмотрим, каким образом учение о долге ради долга противоречит самому себе. (1) Это учение гласит, что не следует делать то, что, согласно этому же учению, следует делать; негация партикулярного – вот, что следует производить; таким образом, она, коротко говоря, призывает реализовывать и не реализовывать; (2) Это учение не обеспечивает содержания; а то, у чего нет содержания, невозможно воливать, ибо в волеении мы должны иметь одно и то же содержание на каждой из сторон. (3) С точки зрения психологии, акт воли – партикулярный акт, а, следовательно, формальный акт воли невозможен.

Проясним сказанное. (1) Ты должен реализовать благую волю, а это значит формальную волю, или универсальную волю. Однако универсальное означает противоположность партикулярного. «Реализовать партикулярное» значит «реализовать противоположность универсального»; итак, партикуляризуя универсальное, ты не реализуешь *его*, т.е. не универсальное, которое ты должен был реализовать; или же,

другими словами, если материализовать форму, она более не будет формальной. С другой стороны, «реализовать» *значит* материализовать, это *значит* партикуляризовать. «Реализуй» *утверждает* (assert) конкретное тождество вещества и формы, которое отрицает «формальная воля»; и нам остается только лишаящее надежды противоречие приказания, которое одновременно говорит нам, что только формальная (т.е. не-реальная) воля есть благо, и что ради блага нам следует реализовать (т.е. деформализовать) формальную волю.

Скажем менее абстрактно – у нас есть два составляющих одного субъекта: чувственная природа и чистая воля. Чистую волю следует сохранять чистой; именно ради нее мы поступаем; действие же состоит в принуждении чувственной природы. Теперь приписание звучит так: «Реализуй чистую волю в чувственной природе», а противоречие – то же, что было описано выше. Чистая воля значит не-чувственная воля, и «реализуй ее» означает перевести ее в ту составляющую, которая разрушит ее сущность. Формальная воля, будучи реализованной, более не является формальной, она – материализована, очувствена, она более уже не чистая. Если вы не хотите очувствить волю, почему тогда вы говорите, что нужно сделать ее реальной? Для чего нужно реализовывание (realising)? Каково его значение? Или, когда вы говорите, что воля является и означает реализацию, неужели вы сами не видите, что воля означает тождество чистой чувственной природы, что она подразумевает две стороны, и что выражение «формальная воля» значит «обладая двумя сторонами, будь уверен, что обладаешь только одной»; или, более кратко, что чистая или формальная воля – бессмыслица?

Приведем самую простую формулировку этого противоречия. Приписание таково: «Реализуй не-противоречие». Но «не-противоречие» = пустая форма; «реализуй» = наполни содержанием: содержание отрицает форму без содержания, и, таким образом, «реализуй не-противоречие» значит «реализуй противоречие» [7].

(2) Комментируя само-противоречивость принципа, с одной стороны, абстрактность его негации реальности, и требование реализации, с другой, мы, вероятно, сделали дальнейшее подробное рассмотрение уже ненужным. Однако может оказаться полезным еще раз отдельно обратиться к главному возражению.

Мы убедились, что акт воли имеет две стороны: внутреннюю и внешнюю, которые мы можем назвать «субъективной» и «объективной» (используя одно из значений этих столь часто неверно употребляемых слов) стороной. Она обладает определенным содержанием, которое с одной стороны – должно быть исполнено, с другой – исполнено. Убийство, строго говоря, не является актом мой воли до тех пор, пока я не намереваюсь убить и действительно не убиваю. Одно лишь движение моего тела, как и одна лишь мысль в моем уме (of my mind), не конституируют поступка.

Есть две стороны, содержание каждой – одно и то же. Поступание (acting) – это исполнение того, *что* волится, и более ничто. Поступок – это процесс перевода из внутреннего мира во внешний (или из мысли в факт события внутреннего мира), а перевод будет переводом только, если он предполагает идентичность переведенного.

Из этого непосредственно следует, что никакой поступок не может быть просто осуществлением абстрактного принципа. На обеих сторонах воли содержание должно быть одним и тем же, и, очевидно, что никакая абстракция не есть содержание, способное на действительное существование. Для того, чтобы осуществиться во материальном мире, принцип должен специализоваться в конкретно индивидуальное, которое, затем, может быть приведено в существование во времени и пространстве. Следовательно, с этой («субъективной»), стороны абстракция должна стать конкретной, и иметь в себе две стороны, кратко говоря, быть индивидуализированной; в противном случае, поступание невозможно, ибо нет того, что можно было бы привести [8] [в существование].

Всем известно, что единственный способ исполнить долг (duty), – это исполнять то, что нам следует исполнять (duties); что «делать благо вообще» может означать, что не делается ничего благого конкретно, а следовательно и никакого блага вообще, но, скорее, его противоположность. Всем известно, что выступление с замыслом (intent) реализовать абстракцию, будь то в религии, морали или политике, – тщетное усилие; и что, единственное, к чему оно приводит – либо к тому, что не делается вообще ничего, либо к тому, что конкретное (particular) содержание, которое необходимо для поступка, добавляется к абстракции случайно или по прихоти. Каждый человек предполагает, или даже уверен, в том, что сознательное поступание по или из абстрактных принципов – самообман или лицемерие, или – то и другое.

(3) Рассмотрев учение о долге ради долга с психологической точки зрения, мы также придем к его поверхностности. Воля, которая не поступает, – это не воля, каждый же поступок – это партикулярное событие: поступок – это этот или другой поступок, а поступок сам по себе – это бессмыслица. Тем не менее, каким образом формальный поступок может быть тем или другим поступком? Даже когда абстракция полностью специализирована в определенные «материальные» цели и намерения (aim), которые следует достичь, даже в этом случае для партикулярного воления требуются особые условия времени, пространства и т.п. Они могут быть несущественны для поступка; они могут не иметь никакого практического различия для содержания. Если я решил убить человека определенным образом, пространство, время и т.п. физически необходимы для такого партикулярного поступка, как убийство, но они могут и не входить в сущность поступка. (Также обстоит дело и с повседневными обязанностями человека). Чем более специализировано и материализован предшествующий умысел (previous intent), тем меньше добавляют к нему конкретные (particular) обстоятельства; чем менее специализировано содержание, тем больше к нему добавляется. Если я выбегу на улицу, для того, чтобы кого-нибудь убить, случай решит [9] – кого именно я убью. И также с долгом. Если я вообще решаю исполнять долг, какой долг я исполняю, решает случай; ибо то,

что выходит за рамки ранее представленного умысла (*preconceived intent*), – случай, а здесь за эти рамки все выходит, кроме чистой формы.

Для того чтобы поступать, необходимо волишь нечто, и нечто определенное (*definite*). Невозможно волишь вообще, а партикулярное воление (*in particular*) никогда не бывает волением только формы. Оно должно быть, в лучшем случае, волением случайности формы, тогда же, то, что движет – случай (вожделение). Пустая форма не способна двигать. Воля, когда не желается ничего партикулярного – чистый вымысел; или (скажем иначе) такова воля без вожделения, сознательного или бессознательного, особенного или привычного. Это – просто психологический монстр. Если такое воление и реально, то всеми признано, что его невозможно описать, что ни в одном случае оно не было верифицировано, и, конечно же, Шопенгауэр не ошибся, сказав: если ничто из того, что не постижимо и не обнаруживаемо в опыте, невероятно, тогда ничто не невероятно. Если теория требует такого предположения, то это доказывает, что теория ложна.

Мы доказали, что формальная воля противоречит самой себе, ибо сущность воли состоит в том, что она должна быть формальной. Учение о долге ради долга ложно и невозможно. Думается, не будет излишнем в добавлении показать, что, даже если такой принцип поступания был бы возможен, он все же был бы негоден и бесполезен с точки зрения практики.

Максима непротиворечивости никуда не годиться. Мы убедились, что максима противоречит себе, в силу того, что постулирует содержание, которое есть противоположность ее пустой формы; однако, помимо этого она не дает нам никакой информации. Что я должен делать? «Производить тавтологию», – таков ответ. «Все, что противоречит себе, не верно. Все, что тавтологично, истинно. Ничто, из того, что тавтологично, не ложно». Тогда что противоречит себе? В одном смысле – все, в другом – ничего.

Принцип непротиворечивости не значит: Не противоречь *себе*; производи гармонию, систему своими поступками и собой; реализуй себя как органическое целое. Все это достаточно неясно, если не дать дальнейших директив; но в данном случае наш принцип говорит не об этом. Он гласит: поступок не должен противоречит себе. Что это значит? Это означает, что реализованное вещество (*matter*), детерминация, постулированная моим поступком, должна быть последовательной в себе. Например, собственность последовательна в себе. Кража собственности – противоречие.

Однако на первом месте вопрос: может ли детерминация быть свободной от противоречия? Что же ты волишь? Ведь очевидно, ты волишь нечто определенное, а определенное есть то, что оно есть только в силу негации чего-то другого. Тот факт, что всякое возможное А не должно быть В, С, D и т.д., принадлежит сущности А, и без этой негации оно не будет А. Только лишь позитивное утверждение есть воображаемая абстракция. «Утверждать А» значит «отрицать В, С, D и т.д.» Например, «собственность», подразумевает негацию, исключение. В этом смысле определенное содержание не только состоит в противоречии с формой, но, также включает в себя противоречие.

Однако смысл правила непротиворечивости заключается не в этом. Его смысл таков: ты не должен постулировать детерминацию и, вместе с ней, ее собственную негацию. Ты не должен допустить поступка, который воплощает собой правило отрицания чего-нибудь, ибо это и есть противоречие в себе. Правило «отрицать А» противоречит себе, ибо, если А уже подверглось отрицанию, его невозможно отрицать. «Кража собственности» – это противоречие, ибо уничтожает собственность, а вместе с ней и саму возможность воровства.

Нет необходимости далее развивать метафизическое возражение против этой точки зрения, ибо она и так подкидывает нам разрушительные для нее самой примеры. Сущность морали представляет собой схожее противоречие [10]. «Отрицай чувственную самость». Но, если чувственная самость уже *подвержена* отрицанию, то исчезает сама возможность моральности (*morality*). Моральность, таким образом, столь же противоречива (*inconsistent*), как и воровство. «Помощь бедным» равно *и* отрицает, *и* предполагает (следовательно, постулирует) бедность: как иронично сказал Блейк,

Не будет больше сожаленья,
Что бедным уж не сделать никого.

Если следует любить своих врагов, всегда должно иметь врагов; и все же от них пытаются избавиться. Последовательно ли это? Коротко говоря, всякий долг, который предполагает, что нечто следует отрицать, не является долгом; это правило имморалено по причине противоречия себе.

Таким образом, всякое правило должно быть установлено позитивно, а не негативно; но тогда возникает очень серьезный вопрос: существует ли такое правило, которое *не* может быть установлено позитивно? Критерий (*canon*) – это пустая форма. «Пусть А есть А». Это тавтология; для того, чтобы обратить все и каждое в форму тавтологии, и таким образом морализовать, большие усилия не требуются. «Пусть собственность будет», «пусть не собственность будет», «пусть закон будет», «пусть не закон будет»; «пусть любовь будет», «пусть ненависть будет», «будь смел», «будь труслив», «будь добр», «будь жесток», «будь безразличен», «пусть помощь будет», «пусть не помощь будет»; или богатство, или бедность, или удовольствие, или боль. Где критерий? Нигде. Бедность есть бедность, и это утверждающая тавтология. Ненависть есть ненависть, настолько же насколько любовь это любовь. Они становятся противоречивыми, только когда говорится: «ненависть своих друзей» или «люби своих врагов»; или, когда ты, вместо того, чтобы утверждать, анализируешь эти высказывания, и обнаруживаешь, что каждое есть утверждение негации или негация утверждения. Такова, как мы можем убедиться, ненависть, а глубокие мыслители говорят нам тоже самое о и любви.

Что на самом деле делает учение о долге ради долга, так это, сперва, постулирует детерминацию – такую как собственность, любовь, смелость и т.п., – а затем говорит, будто все, что противоречит им, – неверно. А

поскольку принцип – это формальная, пустая универсалия, между ней и тем содержанием, которое под нее подводится, нет никакой связи. Эта связь производится извне и покоится на свободном выборе или на общем представлении о благосостоянии, и, пожалуй, счастье. Моральность (morality) чистого долга оборачивается, таким образом, либо чем-то наподобие гедонистического правила [11], либо вообще не правилом, если не считать правилом ту лицемерную максиму, согласно которой прежде, чем сделать то, что тебе нравится, ты должен назвать это долгом; этим побеждается пробабиллизм.

Следовательно, невозможно перейти от формы долга к конкретным (particular) обязанностям. Конкретные обязанности должно принимать как данное, как они и принимаются в обыденной морали. Но, если предположить, что это требование выполнено, тогда является ли значимой формула долга ради долга, – в том смысле, что мы всегда должны поступать по закону и только по закону, и что закон не имеет исключений, под которыми понимаются те конкретные случаи, когда закон отменяется? Нет, доказано, что жизнь настолько проста, что нам никогда не приходится за раз рассматривать более, чем одну обязанность; хотя нам действительно приходится иметь дело с несовместимыми (conflicting) обязанностями, которые, как правило, избегают этого конфликта, просто потому что и так понятно, какой из них следует уступить. Ошибочно предполагать, что столкновение обязанностей – нечто необычное; правильно было замечено, что *всякий* поступок можно рассмотреть, как содержащий такое столкновение [12].

Упростим вопрос: очевидно, что в определенном случае у меня могут быть несколько обязанностей, притом что я буду в состоянии выполнить только одну. Тогда я должен преступить какой-нибудь «категорический» закон, и вопрос, которым задается обыватель, звучит так: «Какую обязанность я должен выполнить?» Он скажет: «Все обязанности имеют свои границы и подчинены одна другой. Нельзя все обязанности представить в форме Вашего 'категорического императива' (в виде закона абсолютного и не зависящего ни от чего другого, кроме самого себя) без таких исключений и изменений, чтобы можно было бы в определенных случаях его вообще отбросить. Конечно, у нас есть законы, но у нас может не быть возможности следовать сразу всем; а знание того, какому следовать – это дело здравого смысла (good sense), который не может быть разрешен иным способом. Следует подавать бедным, – в каких случаях и сколько? Следует жертвовать собой, – каким образом и в каких пределах? Не следует потакать своим влечениям (appetite), – кроме того, когда это нужно делать. Не следует растрчивать свое время понапрасну, – кроме того случая, когда идет речь о развлечении. Не пренебрегать работой, – только если нет уважительной причины. Мы допускаем, что ко всем этим случаям, с одной стороны, применим закон; но, если кому вздумается в конкретном случае принимать решение исходя из 'категорического императива', то он, если не глупец, то доктринер».

Обыденная моральность (morality) ни один из своих законов не считает непоколебимым, как абсолютную цель в себе. Она часто даже не знает о противоречии в большинстве случаев, когда обязанности сталкиваются; а там, где она осознает его, и встает перед противоречием таких моральных законов, на каждый из которых она привыкла смотреть скорее, так сказать, как на абсолютного монарха, или главнокомандующего, чем как на подчиненного офицера, – там она подчиняет одну обязанность другой и испытывает беспокойство исключительно пропорционально той редкости, с которой она сталкивается с необходимостью [подобного рода согласования], а также из-за последующего разногласия с чувствами. Есть только несколько законов, нарушение которых (ради подчинения более высшему закону) моральность (morality) не разрешает, и я полагаю, что нет такого закона, который невозможно было бы преступить при определенных (вообразимых) обстоятельствах [13], хотя необходимость решать этот вопрос не возникает практически. Согласно обыденной моральности (Morality) (очевидно, что этот факт вызовет возражение) в определенных обстоятельствах вполне правильно лгать с умыслом обмануть кого-нибудь, хотя обыденная моральность, должно быть, добавит: «Я не называю это ложью». Это *есть* ложь; и когда Кант и другие утверждают, что всегда должно быть неправильно говорить неправду, они забывают об одном весьма значимом факте, что бывают случаи, когда воздержание от поступка уже *есть* поступок, есть преднамеренная негация долга, и что существуют обязанности превыше говорения правды, и множество нарушений моральности, которые куда хуже лжи, хотя они могут быть менее болезненными. Такое убийство, которое должно назвать суицидом, *может* быть не только правильным, но и героическим поступком; убийство может быть прощительным, бунт подчиненного и непослушание солдата морально оправданными, и каждый из них явно нарушает категорические императивы, подчиняясь высшему закону.

Все рассуждение ведет к тому (и мы должны помнить, что это очень важная истина), что никогда нельзя нарушать закон долга, чтобы доставить себе удовольствие, никогда ради цели, которая не есть долг, но только ради высшего и господствующего долга. Всякое нарушение долга как долга, а не как *низшей* обязанности, – всегда и совершенно неверно; но будет поспешным сказать, что любой поступок в любом случае должен быть совершенно и безусловно имморальным. Решают обстоятельства, ибо обстоятельства детерминируют тот способ, каким должен быть реализован господствующий долг. Непредвзятый наблюдатель не может отрицать тот факт, который есть всего лишь описание морального сознания, хотя я знаю, что само сознание не примет это описание, просто потому что с необходимостью должно неверно истолковать в своих абстрактных формах. И если подразумевается, что моральная теория должна влиять на моральную практику и должна быть усвоена «простонародьем (vulgar)» (а тех, кто в этом отношении не был бы из простонародья не так много), тогда, я уверен, это факт, который было бы неплохо держать на вооружении. А это факт [14].

Итак, мы видим, что учение «долг ради долга» говорит только: «делай правильно ради правильности»; оно не говорит, что есть правильно; или «реализуй благую волю, делай то, что стала бы делать благая воля ради того, чтобы самому быть благой волей». Это уже что-то; но оно либо ничего не говорит помимо этого, либо говорит не по существу. Это учение говорит, что нам следует поступать ради формы, которая, как мы

убедились, – противоречащее себе веление; мы убедились даже, что форма действительно существует ради формы для сухого здравомыслия, а, если держаться буквальной истины, она остается всего лишь формой. Мы увидели, что универсальные законы долга не универсальны в том смысле, что они не могут быть отменены, и что форма долга и его абсолютный императив не совместимы с практикой. В итоге остается лишь поступание ради благой воли; реализация себя посредством реализации воли, которая над нами и выше нашей воли и уверенность в том, что удовлетворена должна быть именно благая воля, а не самость, – такова цель, ради которой мы должны жить. Но о том, какова эта благая воля, это учение ничего не говорит, предлагая нам бесполезную абстракцию.

Примечания

1. {«Абстрактность» как общий порок. Это положение я повторил в «Эссе об истине и реальности».} *От переводчика: в фигурные скобки помещены авторские примечания, добавленные Брэдли во втором издании «Этических исследований».*

2. Следует предостеречь читателя, против того, чтобы принять нижеследующее за изложение определенного этического учения; представленное как таковое, оно не будет ни полным, ни точным, хотя может показаться, что в своем рассуждении я критикую Канта. Невозможно изложить точку зрения Канта, не представив всех его сторон; и, поставь мы себе такую задачу, нам не только потребуются уделить этому соответствующее внимание, но мы также будем обязаны рассмотреть темы, которые выходят за пределы нашего предприятия. Мы представили определенную точку зрения для того, чтобы она выступила предметом критики, но, вместе с тем, наша критика вовсе не относится к одной только этой точке зрения.

3. «Обязан» может использоваться, и используется в более низком смысле применительно к сфере, выходящей за пределы морального мира. Всюду, где имеет смысл «закон», имеет смысл и «обязан». Мы говорим «обязан», когда партикулярное явление не отвечает своему понятию. Например, «Человек 'обязан' иметь два глаза». «Лед такой толщины «обязан» был выдержать». Имеет место вмешательство в ход событий такого факта, который не соответствует с представлением о законе. Но моральное «обязан» значит нечто большее. В этом случае партикулярный факт или явление – это та или иная воля, которая, помимо того, *знает или может знать о своем положении* как таковом в отношении к закону или общему понятию. Это очень существенное различие.

4. Веление *может* содержать просьбу или угрозу. Но с точки зрения ее сущности это не обязательно.

5. Как я уже сказал выше, здесь не излагается точка зрения Канта. Его точка зрения гораздо шире, причем более сложна. Как система она была преодолена критикой Гегеля, которой я многим обязан. Сравни также рассуждения Шопенгауэра. Но читатель не должен забывать, что за то, что сказано в данной работе, несу ответственность только я.

6. Это истинно, конечно, только до тех пор, пока психические события рассматриваются только таким образом. Я полагаю, что каждое психическое состояние, имеет *также* существование в пространстве. Позвольте по ходу дела добавить в этой связи, что в психологии не решен вопрос о том, имеет ли воля *непосредственный* контроль над мыслью или нет. {Имеет ли воля *непосредственный* контроль над мыслью, или только фиксирует внимание на одном предмете, подавляя развитие других движений воли, – вот, что, очевидно, здесь имеется в виду.} В данном случае, для нас не имеет значение, каким будет ответ.

7. Безнадёжная непоследовательность дуалистической теории морали, неизменное противоречие между ее моральной теологией и практическими постулатами в целом, – все это не является предметом нашего рассмотрения. В целом эта точка зрения критиковалась у Гегеля во втором из тех пассажей, на которые мы ссылались выше. По ходу дела можно указать на противоречие, которое присутствует в учении об императиве. Веление адресуется одной воле посредством другой, и если эта воля должна подчиняться, то именно ей. Но в этом случае воля, на которую направлено веление, не та воля, которая ее исполняет; следовательно, императиву никогда не подчиняются; а, поскольку этот императив не должен произвести действие в той воле, которой он адресован, он есть всего лишь фиктивный императив.

8. Не следует понимать, что этим утверждением мы отрицаем возможность того, чтобы воля имела содержание, которое представляет собой *только* это или иное. Об этой возможности мы ничего не говорим, ибо этот вопрос нас не интересует.

9. В соответствии с таким моим умыслом речь идет именно о случае, ибо в сущность моего умысла не входило убивать какого-то конкретного человека.

10. Гегель был настолько беспощаден, что применил это положение даже против постулата бессмертия. Что касается следствий такого применения этого положения, наша точка зрения значительно отличается от Гегеля.

11. У Шопенгауэра можно найти некоторую характеристику и пикантную критику этого положения.

12. {столкновение обязанностей}.

13. {Разумеется, исключая универсальный закон исполнять все максимально хорошо, насколько это возможно в тех или иных обстоятельствах}.

14. Мы вернемся к этому вопросу в V и VI эссе.